

Иероним Ясинский

Терентий Иванович

Иероним Ясинский
Терентий Иванович

«Public Domain»

1884

Ясинский И. И.

Терентий Иванович / И. И. Ясинский — «Public Domain», 1884

«В один жаркий-жаркий день пришлось мне ехать из Киева в деревню, где я жил на даче. Ехал я на извозчичьих дрожках, и колёса, то и дело, прикасались к кузову, со скрипучим шорохом.— Подвиньтесь, барин, направо... Я подвигался направо.— Теперь немножко на эту сторону, барин...»

Иероним Ясинский Терентий Иванович

Д. А. Корочевскому

В один жаркий-жаркий день пришлось мне ехать из Киева в деревню, где я жил на даче. Ехал я на извозчичьих дрожках, и колёса, то и дело, прикасались к кузову, со скрипучим шорохом.

– Подвиньтесь, барин, направо...

Я подвигался направо.

– Теперь немножко на эту сторону, барин...

Я подвигался налево – всё равно, шорох не унимался.

– Ишь черкает, чтоб его!.. – произносил извозчик и, сделав «цигарку» из газетной бумаги, курил, поглядывал на колёса и укоризненно качал головой.

Дорога то поднималась, то шла вниз, и везде был песок. Иногда лошадь, замученная, хоть на вид и сильная, останавливалась, трясла головой, и нам надо было слезать и идти некоторое время пешком, под палящим зноем, жмурясь от солнечного блеска, отражаемого ослепительным, мягко волнующимся ковром пожелтевшей ржи. Горячий ветер обдавал пылью, и приходила в голову досадная мысль, зачем я выбрал именно этого извозчика, потому что другой, конечно, повёз бы и скорее, и удобнее.

– Что ваша лошадь всегда была такая? – спросил я почти сердито.

– Как можно всегда! Кобыла была первая в городе. Вы не знали Трофима Трофимовича Калача? В палате служил... В тысяча восемьсот семьдесят третьем годе умер. Так это его была кобыла.

– С тех пор прошло много лет. Больше десяти!

– Верно. Да у Трофима Трофимовича покойника она годов пятнадцать прослужила. Добрая кобыла! Бывало...

И радуясь, что недостатки настоящего времени можно заслонить воспоминаниями о славном былом, извозчик пустился в описание замечательных качеств, которыми обладала при жизни Трофима Трофимовича его тридцатилетняя лошадь.

– Будь такой добрый, – обратился он вдруг к человеку, который ехал позади нас с возом, нагруженным стульями, ванной и шкафом, – поезжай ты вперёд, то моя лошадка охотнее пойдёт за твоей. Видишь сам, какой песок...

После того, как мы потянулись за возом с кладью, замечательная лошадь моего извозчика пошла, действительно, ровнее, но зато мы туго подвигались вперёд, солнце жгло немилосердно, пыль клубилась душливая. Извозчик, должно быть, почувствовал угрызение совести и решил меня занимать. Сначала он стал говорить о хозяйстве. Он давно уже собирается завести дрожки «как следовало быть», чтоб рессоры были потвёрже, а также намерен продать на Конной свою лошадь и купить другую.

– Боже мой! Бывало, мне такой конец нипочём сделать. Молоньей проскачешь вот на ней самой, ей-Богу! Тут хутор Сокирки есть. Он, значит, монастырский, но только Трофим Трофимович в аренде его держали, и кажинную неделю туда, бывало, ездили. Ну, и я всегда с ними, оттого, что я у них кучером восемнадцать лет служил. У них на хуторе в доме штучка была, – пояснил он.

– Трофим Трофимович молод был?

– Какой бес! За шестьдесят перевалило. Совсем белый как лунь, и коленки дрожат. А только были охотник до женщин, и даже не одна была у них штучка, а несколько. Одна, значит, постарела, а уж две новые подросли. Трофим Трофимович сироток брали, воспитывали

как барышень, грамоте и вышиванию, на фортопьянах и танцам... Хороший были человек, а померли как собака.

– Как так?

– Со службы прогнали. Бывало, не только сами ездят, а с компанией. Чиновников наберут – как наедут, то три дня пируют. Без просыпу все пьяны! Дом в лесу. Одно слово, как разбойники. Любили и на охоту. Ничего не убьют, своим порядком перепьются, а ты цельный день мёрзнешь. Через то я сколько раз хотел отходить от них.

– Отчего же не отошли?

– Зацепка была. Ну, и жизнь была. Всего съешь и выпьешь, и работа не очень чтобы тяжёлая, особенно летом, и лишний гривенник от гостя перепадёт...

– А какая зацепка?

– Да что, барин, дело это прошлое. Любовь завелась, вот что! Был я с лица красавец...

Он повернул ко мне лицо. Хотя рыжая с сильной проседью борода его была страшно включена и походила скорее на кустарник, откуда, по выражению Гончарова, того гляди – птица вылетит, однако чёрные глаза его не совсем потухли и, окружённые лучистыми морщинами, сохраняли ещё по искре былого огня и былой красоты.

– Влюбился я, барин, право слово моё.

– В штучку?

– В неё самую.

Он помолчал.

– Что ж, она была красива?

– Нельзя сказать. Бледная очень из себя, волосы до пят, сидит у окошечка и всё думает. За это я её и полюбил.

– А она?

– И она тоже. Сама ко мне светом на конюшню пришла. «Что это, – думаю, – ворошится белое? Уж не ведьма ли?» Цап, а оказывается барышня, Надежда Михайловна.

– «Мне, – говорит, – страшно с ними стало, так я к тебе пришла... Полюби, – говорит, – меня, позволь душу с тобою отвести»... – Ну, я дураком не был, – пояснил он победоносно.

– Были счастливы?

– Не скажу. С тех пор я как сумасшедший стал. Трофим Трофимович на хутор едут, так я весь дрожу как Каин. Вот приезжаем этак в пятницу над вечер, Надежда Михайловна на крылечке встречает. Он её за подбородок возьмёт, другие барышни выбегут. Я – как земля, смотрю, ревную. Поужинают, поиграют на фортопьянах, лягут спать. А я ночь не сплю, дожидаюсь. Ну, как придёт, то я не утерплю, а раза два таки вождой огрею...

– За что же?

– За то, что любил, – через свою сердечную досаду, барин. Сказано – сумасшедший! Сам потом плачу, она мне ноги обнимает, просит: «Ударь ещё!» – а я всё плачу.

Он скрутил новую сигарку и продолжал:

– Что подарков мне было от её! Пояс вышила, платочек, золотой крестик подарила, кумачовых рубашек шесть, кисет, книжку со стихами Пушкина.

– Вы грамотны?

– Грамотен, но только книжечки той я не прочитал... Так, знал, что Пушкина. Потом деньгами двадцать рублей отдала...

– Долго у вас любовь продолжалась?

– И лето, и зиму, барин. А как весна наступила – шабаш.

– Как это случилось?

– Да так, очень даже просто. Приехали на Светлую неделю с Трофимом Трофимовичем гости. В страстную пятницу уже разговелись и песни пели. Однако же, ко всенощной повёз я их в монастырь. Вернулись оттуда, гляжу – Надежда Михайловна в белом кисейном платье,

на голове шёлковая лента. Подходит. Строгая, ласковая она такая и благородная, что своим глазам не поверил: неужли ж это та самая, что я вожжой стегаю? Похристосовалась она со мной, и жаль мне её стало и стыдно, что я её бил, да так стыдно, что сказать вам не могу...

«– Надежда Михайловна! – говорю, а у самого голос дрожит.

– Что вам, Терентий Иванович? – отвечает.

– Позвольте мне вашу правую ручку, и скажите, что не гневаетесь на меня ни за что.

– Не сумлевайтесь, Терентий Иванович, – отвечает, – я вас довольно знаю и крепко в вас влюблена. За всё вас прощаю, оттого что сама во всём виновата, и ежели вы со мной жестоко обращаетесь, то мне же лучше, мне зато грех мой отпускается.

В горнице никого не было, – обняла она меня ручками своими белыми, полюбовалась на меня, а в глазах слёзы стоят.

– Что, – говорю, – Надежда Михайловна, несладко вам со стариком вашим?

– Молчите, Терентий Иванович! Окажите пощаду и доброе сердце и не поминайте о том, в чём судьбою я столь поругана... – и всё это такое говорила, так что не очень-то я понял хорошо.

Известно, образованная барышня.

– Что же, – промолвил я, – ожидать вас сегодня ради Христова воскресения?

– Нет, Терентий Иванович, нельзя сегодня.

– Что так?

– Может, урвусь, – говорит, – на минутку, но вряд ли. Гости, так от этого, нельзя... Только не бейте меня... Нет, уж бейте меня, бейте!.. – и с этим на шею у меня повисла.

„Эх, – думаю, – жаль барышню“.

– А что, Надежда Михайловна, как вы насчёт чёрной работы? Не тяжело вам будет?

– То есть как это, Терентий Иванович?

– Да обнаковенно, всё, что по нашему, будем говорить, мужицкому званию полагается: борщ сварить, хату прибрать, досмотреть корову, жита нажать... Могли б вы на это согласиться?

Покраснела она, глазки вспыхнули, жмёт меня крепко и целует.

– Вы, – говорит, – только прошлого моего позорящего поведения не забудете, корить станете и бить. Но как я в вас влюблена, то со всем помирюсь.

– Ничего, Надежда Михайловна, – говорю, – свариться не будем, а только бы надо приданого от Трофима Трофимовича. В прошедшую зиму они Варваре Левкадьевне триста рублей и питейное заведение со всей обстановкой пожертвовали. Вы тоже не меньше заслужили. Пусть усадьбу дал бы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.